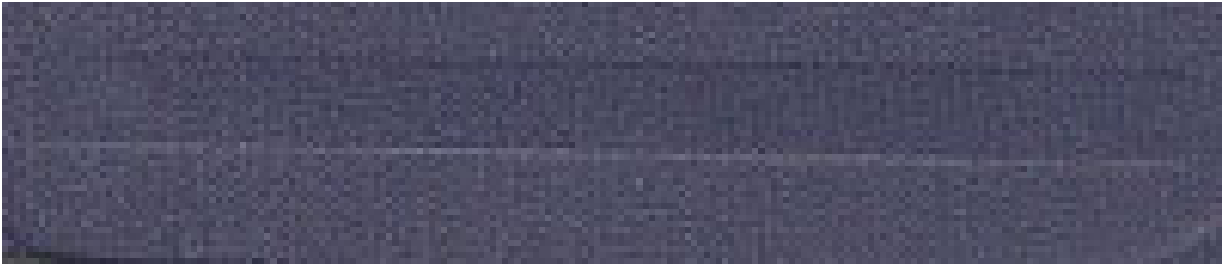

СИЖИЕР
ЛЪЮИС

СИМВЕР
АТОМС

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

[Другие книги серии «Рассказы»](#)

Приятного чтения!

Синклер Льюис

**МОТЫЛЬКИ В СВЕТЕ
УЛИЧНЫХ ФОНАРЕЙ**

1

Бейтс лежал и пристально смотрел на стоявшую на письменном столе лампу под зеленым абажуром, и вдруг с отвращением сообразил, что несколько часов проспал на кожаном диване в своей конторе. Глаза у него болели, во рту пересохло. Он встал пошатываясь и взглянул на часы. Было три часа утра.

— Идиот, — сказал он себе.

Он доплелся до окна; двенадцать этажей отделяло его от нью-йоркских мостовых. Сонная одурь, словно ватой окутывавшая его сознание, развеялась при виде красоты ночного города. Было очень тихо, насколько это вообще возможно в Манхэттене. Смолкли трамваи, не слышно было скрежета стальных балок на строительстве в соседнем квартале. Только одинокий таксомотор глухо прошумел внизу на темной мостовой. Бейтс смотрел поверх моря крыш в сторону Ист-ривер, туда, где линия топазовых огней дугообразно изгибалась над мостом. Небо было не темным — оно сияло синевой, той ослепительной, чистой, необыкновенной синевой, на фоне которой звезды кажутся золотыми.

— А впрочем, почему бы мне и не переночевать здесь? Досплю на диване, а утром еще до завтрака возьмусь за нью-бедфордские спецификации. Мне ведь ни разу не случилось провести в конторе целые сутки. Вот и попробую!

Он произнес это самодовольным тоном, свойственным преуспевающим людям, но потом, усевшись на диван и сняв пиджак и ботинки, добавил:

— А все-таки жаль, что ни одну живую душу на свете не интересует, вернусь я ночевать домой или исчезну на целую неделю.

Когда в контору пришла первая стенографистка, она застала Бейтса за работой. Но ведь он часто приходил раньше всех. Он никому не рассказал о том, что в предрассветный час этот обуянный торгашеским духом город превращается в сине-золотое видение. Не было никого, кто мог бы вызвать его на такую откровенность.

Тридцатипятилетнему Бейтсу мир представлялся сооружением из железобетона, где роль материков и морей исполняли перегородки

конторы и чернильницы, которые служили лишь для того, чтобы подписывать письма, начинающиеся словами: «В ответ на Ваш запрос от седьмого числа сего месяца...». Целых пять лет он не видел, как за грядой холмов сгущаются грозовые тучи и как в сумерки над лугами мелькают белые мотыльки. Ему казалось, что мотыльки выются только вокруг уличных фонарей и цветы растут не на полях, а в вазонах, украшающих ресторанные столики. Он был истый горожанин и деловой человек. Самым естественным пейзажем, на его взгляд, были бумаги, телефонные звонки и двенадцатый этаж, где он находился с восьми тридцати утра до шести вечера, а величайшее торжество цивилизации заключалось в том, чтобы заставить еще одну компанию городского транспорта ввести стоп-сигналы.

Но он принадлежал к новому поколению деловых людей. Он ничем не напоминал дельцов старой школы, которые любили похвалиться, что не очень-то разбираются в книжной премудрости, и которых невозможно себе представить без традиционного котелка, где бы они ни находились: в конторе, в машине или у себя в постели. Стройный, всегда безупречно одетый, с усиками, похожими на подведенные брови, он был вежлив, как самая благовоспитанная дама, но вместе с тем тверд в своих решениях, как скала.

Когда Бейтс по окончании колледжа приехал в Нью-Йорк, он думал, что будет вращаться в изысканном обществе и посещать оперу. За четырнадцать лет он был в опере шесть раз, время от времени обедал с приятелями в Йельском клубе, знал по именам двух соседей по дому, ходил на платные балы и ухаживал за девушками, которые уже успели всем примелькаться. Но Нью-Йорк — это похититель друзей: за один вечер в ресторане нетрудно познакомиться с двадцатью новыми людьми, и за один день легко потерять двадцать старых знакомых. У вас есть добрый приятель; он женится и переезжает в Грейт-Нек; отныне вы встречаетесь с ним раз в два года. Когда Бейтсу перевалило за тридцать, его стала все больше и больше поглощать контора — там он всегда был нужен, и там его ценили.

Бейтс перешел из одной автомобильной компании в Компанию Тормозных Устройств. Он пробыл год в Лонг-Айленде, на заводе, производящем стоп-сигналы для Восточных штатов, и усовершенствовал механизм включения. К тридцати пяти годам Бейтс добился успеха. Но всякий раз, обедая в одиночестве, он жалел, что

нет девушки, которая настолько бы ему нравилась, чтобы хотеть к ней зайти.

Наблюдая в течение четырнадцати лет дочерей Нью-Йорка, падких на конфеты, кабаре и завидных женихов, Бейтс сделался дьявольски осторожным. К любой дебютантке он относился, как летчик к снаряду зенитной артиллерии. Не лучше чувствовал он себя и с более зрелыми женщинами. Те рассуждали об экономике. Бейтсу после окончания колледжа как-то довелось тоже прочесть книжку, целиком посвященную вопросам экономики, но, поскольку он никак не мог вспомнить ее названия, это не слишком помогало ему вести глубокомысленные разговоры.

Он предпочитал беседовать со своей стенографисткой. С ней он никогда не заводил речь об ужинах с вином или о ее больших черных глазах. «Прислал чертежник синьки для Кэмдена?» или «Надо поспешить с ответом Мак-Гульдону». Вот это настоящий разговор. В нем есть какой-то смысл.

Потом собеседницей Бейтса стала девушка в здании напротив. Это здание заменяло ему сцену, и он наблюдал за ним, совсем как старая дева, которая, прячась за кружевной занавеской, следит за всеми, кто проходит по деревенской улице. Здание покоряло той архитектурной осмысленностью, благодаря которой американские города начинают приобретать особую прелесть, уже не заимствованную у французских замков и английских гостиниц. Архитектор знал, что проектирует не отель и не голубятню, а дом, где разместятся конторы. Он решительно покончил с лепными капителями, которые ничего не поддерживают, и с мраморными украшениями, которые якобы воспроизводят геральдические щиты, а на деле больше всего напоминают гигантские тапки для бритья. Он создал здание чистое, прямое и честное, как клинок шпаги. Глядя на этот дом, Бейтс радовался, что он деловой человек.

Здание почти сплошь состояло из стекла, и конторы были так же доступны обозрению, как клетки на выставке собак. Бейтс знал по виду всех мужчин и женщин в двадцати комнатах. Сидя за своим столом, он, правда, ничего не видел, но отдыхать он любил, стоя у окна. Он наблюдал, как в половине девятого или в девять в конторы приходят служащие, как они курят и болтают, прежде чем приняться за работу, как усаживаются за столы, как в час обеденного перерыва

встают с мест, разминая затекшие ноги, а вечером, обалдевшие и молчаливые, выключают свет, прежде чем уйти домой. Когда Бейтс поздно засиживался в конторе, ему не бывало тоскливо, потому что он знал: у настольных ламп в конторах напротив непременно сидят два-три человека.

Он сочувствовал мальчишке-рассыльному, на которого постоянно кричал рыжеусый хозяин конторы на одиннадцатом этаже, и возмущался мальчишкой с тринадцатого этажа, который воровал марки. Он потешался, глядя, как некий клерк на одиннадцатом этаже ровно в шесть часов вечера облачается в парадный костюм, прыгая на одной ноге, чтобы не волочить по полу брюки, а после этого торжественно достает из верхнего ящика письменного стола крахмальный воротничок и галстук. И он был искренне опечален, когда на его «деревенской улице» случилось большое несчастье: бойкая, хорошенькая секретарша управляющего из конторы на двенадцатом этаже, как раз напротив его окон, несколько дней не приходила на работу, а потом на ее столе появился траурный венок.

Новая секретарша, сменившая умершую, по всей вероятности, появилась сразу же, но Бейтс заметил ее только через неделю. Это была одна из тех недель, когда он разрывался между неотложным делом А и неотложным делом Б, кидался от дела Б к делу В, когда не успевал он подумать, что наступила минутная передышка, как уже раздавался телефонный звонок или приносили телеграмму, когда каждый вечер он переписывал перечень дел, которые должен был выполнить еще позавчера, и рай представлялся ему в виде стального склепа без единого телефона. Но вот буря кончилась, и единственным его занятием стало бродить по конторе и, пытаясь сохранить назидательно-деловой вид, наблюдать, как трудятся стенографистки и бездельничают мальчишки-рассыльные.

Строгий и подтянутый, он празднично сидел в кресле у окна, курил сигару и, сам того не замечая, разглядывал здание на противоположной стороне улицы. Он видел и не видел, как управляющий в конторе напротив диктует новой секретарше, тоненькой девушке в платье из синей тафты с накрахмаленным белым воротником и манжетами. Она не распластывалась над настольным блокнотом, но и не сидела с неумолимо-мрачным лицом, как пожилая машинистка этажом выше. На расстоянии она казалась на редкость деловитой. В этом улье,

доступном обозрению Бейтса, она выделялась прелестными прямыми плечами и решительной походкой, которую Бейтс имел возможность наблюдать, когда она, встав из-за стола управляющего, направилась за перегородку — нелепо тонкое, на взгляд Бейтса, сооружение из дуба и стекла — и там, не теряя ни минуты, села за машинку и принялась печатать.

Бейтс забыл о ней, но, когда наступили сумерки, весенние сумерки, и он, задержавшись без особой нужды в конторе, стоял у окна и слегка грустил, потому что не было такого места, куда ему хотелось бы пойти в этот вечер, он вновь ее заметил. Ее шеф и она тоже засиделись в конторе. Бейтс видел, как они разговаривают, как шеф подписывает бумаги, передает их ей, потом прощается, берет свой котелок, зевает, выходит из кабинета в приемную и, по-видимому, направляется к лифту. Секретарша проворно собрала бумаги, но, подойдя к своему столу, стоявшему у самого окна, остановилась, прижала ладонь к глазам, потом резким движением отвела руку, совсем как медиум, выходя из транса.

— Бедные усталые глаза! — неожиданно для себя пробормотал Бейтс.

Ни аромат цветущих яблонь, ни веселый щебет птиц не доносился из пригородов, где победно правила весна, до этих одетых цементом улиц. Но в неумолчном городском шуме было что-то беспокойное, и пока Бейтс смотрел, как темнеет здание напротив, выделяясь силуэтом на фоне закатного неба, его грусть сменилась щемящим чувством одиночества. Он стремился к этой волнующе независимой девушке и представлял себе свой разговор с ней. Через пять минут она ушла; он помедлил у окна, потом побрел в Йельский клуб обедать.

Спору нет, жизнь постепенно делала Бейтса эгоистом. Но в этот вечер, слушая смертельно скучную оперетку, он вдруг поймал себя на утешительной мысли, что глаза у девушки теперь, наверно, отдохнули.

На следующее утро, едва придя на работу, он сразу стал высматривать девушку и остался недоволен расположением небесных светил, потому что утром в конторе напротив было гораздо темнее, чем днем.

Только в три часа он окончательно разглядел, что на девушке блузка из плотного золотистого шелка и что, несмотря на некоторую нервность движений, шея у нее округлая и нежная. Накануне вечером

он думал, что ей лет двадцать восемь. Теперь он дал бы ей двадцать три. Он вздохнул: «Видно, способная девушка, и походка у нее грациозная. Если бы моя секретарша проявляла такой же интерес к работе... Кого бы мне пригласить сегодня пообедать?»

2

Он видел, как она приходит в контору в девять утра, откалывает шляпку и, глядя на свое отражение в матовом стекле перегородки, мгновенно приводит в порядок волосы. Он видел, как по утрам она стенографирует, проводит посетителей к управляющему. Видел, как в полдень, всегда одна, она выбегает позавтракать, как к концу рабочего дня ее быстрые, уверенные движения становятся вялыми, как по вечерам она собирается домой или засиживается допоздна, и даже ее прямые плечи сутулятся, когда она медленно отстукивает на машинке последние фразы. На протяжении всего дня он наблюдал за ней, и, хотя не знал ни ее имени, ни семьи и никогда не слышал ее голоса, он понимал ее лучше, чем большинство мужчин понимают женщин, на которых они женятся.

Служащие конторы относились к ней с уважением. Они раскланивались с ней утром и вечером. Они никогда не позволяли себе подшучивать над ней, как подшучивали над вертлявой телефонисткой. Все это занимало Бейтса, но прошло много недель, прежде чем эта девушка вошла в его жизнь.

Как-то к вечеру, в начале лета, когда руки у него дрожали от усталости, а глаза превратились в раскаленные угли оттого, что он переусердствовал, изучая спецификации, когда все на свете словно сговорились играть на его обнаженных нервах и он жаждал, чтобы кто-нибудь любовно позаботился о нем, промыл его глаза и отвлек внимание от бесконечных кроваво-красных цифр, выпрыгивавших из черноты, как только он закрывал воспаленные веки, он поймал себя на том, что отыскивает взглядом окно, страстно желая еще хоть раз мельком увидеть ее, единственное человеческое существо, которое он по-настоящему знал.

«Неужели она посмела уйти? Я... да я просто с места не сдвинусь, пока не увижу ее!»

Она стояла у окна — читала какое-то письмо. Она подняла голову и поймала его взгляд. Мистер Бейтс нахлобучил шляпу и с достоинством прошествовал к двери. Он явно был не способен на такую низость, как подглядывание в окна чужих контор. Его покорило от этого слова.

Да, разумеется, он никогда и не подглядывал, высокомерно заявил он себе, ковыряя бифштекс, который ничем не отличался от десяти тысяч бифштексов, покорно съеденных им в ресторанах. Впредь он будет вести себя осмотрительнее, чтобы никто, случайно войдя к нему, не мог превратно истолковать его привычку отдыхать, стоя у окна. Он никогда и не посмотрит больше в сторону этого дома!

А наутро, когда на столе у него лежали три нераспечатанные телеграммы и пришедшее с опозданием письмо из Бирмингамской Транспортно-Энергетической Компании, он стоял у окна и с восхищением рассматривал в окне напротив новую шляпку — затейливый рог изобилия из голубой соломки, — которую девушка снимала с гладко зачесанных волос.

Существует несколько способов бросить курить. Можно держать табак в ящике стола в соседней комнате, запирает ящик и прятать ключ. Можно ограничить количество сигарет и курить строго по расписанию. Можно самому не покупать сигарет и курить только те, что удастся выпросить у друзей. Все эти способы апробированы авторитетами, и единственный их недостаток заключается в том, что ни один из них не поможет вам бросить курить.

Точно так же существует много способов, чтобы удержаться от изучения архитектуры здания на противоположной стороне улицы. Можно уверить себя, что служащие чужих контор вас не интересуют и вы знать о них ничего не желаете. Можно отдыхать, сидя на диване, а не стоя у окна. Единственный недостаток всей этой умственной гимнастики заключается в том, что вы продолжаете искать глазами девушку в здании напротив и...

И вы чувствуете себя последним негодяем, когда невольно оказываетесь свидетелем ее минутной слабости, от которой у вас сжимается сердце. Вот она твердым шагом выходит из кабинета управляющего, хладнокровная, сильная, уверенная в себе, затем, подойдя к своему столу, как-то вся сникает и несколько напряженных мгновений сидит, прижав тонкие пальцы к пульсирующим вискам.

Всякий раз при виде этого жеста он забывал про свою наивную игру. Через глубокое ущелье улицы его мысли устремлялись к ней и витали вокруг нее, свободные от всяких мелочных забот: конторских дел, бифштексов, оперетт, составлявших для него в последние годы смысл жизни.

С волнующей ясностью он ощущал, как кончики его пальцев ласково гладят ее лоб, ощущал на ладони холодок испаряющегося спирта, когда мысленно смачивал одеколоном ее затылок.

Он отказался от попытки не подсматривать и вести себя, как приличествует джентльмену. Он стал задумываться над тем, что во всяких метафизических теориях, возможно, и в самом деле есть какой-то смысл и, может быть, он, Бейтс, шлет в дом напротив токи доброжелательства, чтобы подбодрить эту хрупкую, мужественную девушку, которая выбивается из сил, стараясь стать деловой женщиной. При этом он забыл, что, стоя у окна, он так же хорошо виден ей, как и она ему. И вот однажды вечером, когда он не таясь смотрел на девушку, она поймала его на месте преступления и резко отвернулась.

Бейтс был огорчен, потому что огорчил ее. Он, привыкший все воспринимать с позиции холостяка Бейтса, неожиданно для себя стал смотреть на мир ее глазами, словно его душа растворилась в ее душе. С внезапной болью он как бы услышал ее сетования: мало того, что приходится целый день напряженно работать, — в этом стеклянном доме некуда спрятаться от нескромных взглядов. Он хотел защитить ее — защитить от самого себя.

Целую неделю он ни разу не подходил к окну, даже чтобы бросить взгляд вниз, на улицу, за которой он привык наблюдать, точно отшельник, созерцающий суетливую жизнь долины из своей хижины на высокой горе. Ему не доставало знакомого зрелища, и он этому радовался. Он жертвовал чем-то ради кого-то. Он снова чувствовал себя человеком.

Да, Бейтс уже не стоял у окна, но просто удивительно, сколько раз в день он проходил мимо него и как поневоле замечал все происходящее в конторе напротив. Часто он видел, что девушка смотрит на него. Как только она отрывалась от работы, их глаза встречались, словно ее притягивал взгляд Бейтса. Но никакого кокетства в этом не было, считал он. Издали она казалась недоступной, как маленькая холодная зимняя луна.

Снова наступил день, похожий на безумный вихрь. Бейтса рвали на части. Телеграммы летели вслед за телеграммами. На заводе не хватало сырья. Две стенографистки поссорились, и обе ушли, а бюро,

куда он обратился, никого не могло порекомендовать, кроме каких-то несурзных чучел, не умеющих пишущую машинку отличить от стиральной машины. Когда контора опустела, а ему оставалось просидеть за письменным столом еще каких-нибудь семь часов, он вдруг обессилел. Руки беспомощно опустились, он тяжело дышал. Все поплыло перед глазами, и голова склонилась на грудь.

— А ну, не раскисать! — пробормотал Бейтс. Он с усилием встал, похлопал себя по плечам и вдруг очутился у окна. Там, напротив, девушка собиралась домой. Непроизвольно, в надежде, что единственный сотоварищ по работе ответит на его приветствие, он помахал ей.

Она заметила его жест. Она стояла с поднятыми руками, прикалывая шляпку, и смотрела на Бейтса. Затем отошла от окна, так и не ответив ему. Неожиданно Бейтса взорвало. «Я заставлю ее заметить меня. Я не какой-нибудь оконный любезник и не желаю, чтобы обо мне так думали!»

Злость вызвала у него прилив энергии, и он снова начал работать. Отрываясь каждые четверть часа, чтобы дать отдых усталым глазам, он изучал судебный иск и делал заметки. Пробыло восемь... потом девять... десять... Бейтс чувствовал слабость, хотя не был голоден. Он встал и с удивлением убедился, что ему хорошо. Он принялся отыскивать источник своей радости и нашел его. Он спустит к себе на землю эту девушку, эту замороженную луну.

Утром Бейтс вошел в свой кабинет и остановился у окна, ожидая, пока она поднимет голову. Он помахал рукой — это было коротенькое, скромное, дружелюбное приветствие. С тех пор каждое утро и каждый вечер он посылал в окно напротив свою мольбу о дружбе. Девушка никогда не отвечала, но наблюдала за ним и... ну, в общем, ни разу не опустила шторы.

В июле у Бейтса был отпуск. Сам не зная почему, он не захотел на этот раз ехать в чопорный приморский отель, где обычно проводил три недели, вежливо беседуя с пожилыми тетушками, которые, судя по их туалетам, желали сойти за собственных племянниц, и неизменно убеждаясь, что как игрок в гольф он мелко плавает. Неожиданно он взял курс на Лебанон-Вэлли — тихий и мирный уголок — и там обнаружил, что на свете все еще существуют густые сливки, лесная

смородина, цветы калужницы и что одышка совсем не обязательна при быстрой ходьбе. Он носил рубашки с мягкими воротничками и сильно загорел. Его перестало волновать то обстоятельство, что Междугородная Транспортная Компания прекратила платежи, и порой он даже смеялся, слушая рассказы хозяина гостиницы.

По крайней мере десятая часть его мыслей была занята тем, как лучше обставить отдых девушки из здания напротив. Она будет лежать, погрузив свои нервные руки в высокую траву; синее, как васильки, небо и смешные пухлые облака принесут ей исцеление. Устроив все наилучшим образом, Бейтс всякий раз вспоминал, что ей, поскольку она работает в этой конторе недавно, полагается, вероятно, всего лишь пятидневный отпуск. Обливая себя ядовитым презрением, он говорил, что только последний дурак может думать о девушке, о которой ему известно лишь то,

что она, по-видимому, хорошая стенографистка,
что она грациозна,
что издали кажется, будто у нее изящный овал лица,
что ей от шестнадцати до сорока лет,
что она не мужчина.

Последний пункт не вызывал у него сомнений.

Бейтс был полон такого неколебимого благоразумия, что к концу отпуска девушка почти испарилась из его памяти. Он вылез из сентиментальных настроений. Теперь ему казался забавным его роман на фоне железобетона — этот танец мотыльков в холодных лучах уличного фонаря. После отпуска он... он непременно побывает у Кристин Пэриш. Кристин была сестрой его одноклассника; она хорошо танцевала и говорила все, что полагается говорить об особняках на Парк-авеню и новых спектаклях на Вашингтон-сквер.

Он вернулся в город в понедельник, к концу рабочего дня, и сразу помчался в контору, чтобы оповестить о своем возвращении. Бросился к себе в кабинет, подошел к окну. Девушка в конторе напротив водила пальцем по странице какой-то книги, вероятно, отыскивая номер телефона. Она взглянула в окно, поднесла палец к губам. Шляпа мигом слетела с головы Бейтса, и вот он уже кланяется и машет ей. Она замерла с наполовину поднятой рукой, потом вскинула ее, посылая ему приветствие.

Бейтс сел за письменный стол. Служащие конторы, которые явились с докладом или просто для того, чтобы тактично напомнить о своем существовании, впервые видели его таким жизнерадостным. Когда они ушли, Бейтс попытался вспомнить, как он собирался провести вечер. Ах да, повидать Кристин Пэриш. Бог с ней! Успеется. Он подошел к окну. Девушка ушла, но в темном окне, казалось, мерцал бледный призрак ее приветствия.

Бейтс пообедал в новом Йельском клубе, а потом сидел на крыше в обществе двух соломенных вдовцов и младшего брата Бэнка Селби — юнца, который только весной окончил колледж. Город внизу пылал огнями, как лесной пожар. Бродвей казался огненной полосой; вдали за Ист-ривер изрыгала языки пламени доменная печь. Отели «Билтмор», «Риц», «Белмонт», здания оперы и центрального вокзала с их ослепительно сверкающими нижними этажами и темными массивами и кое-где вдруг взметнувшейся вверх белой стеной казались более таинственными, чем венецианские палаццо в карнавальную ночь. Бейтс любил огненную красоту этого города; он радовался своему возвращению, и вдруг, непонятно откуда, у него возникло ощущение, что осень и зима принесут ему бесчисленные победы и нескончаемое счастье. Только когда Бейтс впервые приехал в Нью-Йорк, он смотрел вперед с таким же ликующим нетерпением. И вот опять будущее не было заранее расписано, казалось туманным, исполненным духа приключений.

— Здорово отдохнул... Побездельничал вволю... Купили медные акции? — Вот и все, что слышали от него мужчины, которые с ним курили.

Но они смотрели на него с любопытством.

— Похоже, что ты неплохо провел время. Чем ты там занимался? Обставил, что ли, Мак-Лефлина в теннис?

Юный брат Бэнка Селби, только что окончивший колледж и не успевший окончательно отупеть и потерять воображение, отважился сказать:

— Послушай, Бэнк, держу пари, что твой друг, мистер Бейтс, влюбился...

— Чушь! — сказал Бэнк, толстокожий, как все женатые люди. — Бейтси? Как бы не так! Он на женщин и не смотрит.

3

На следующее утро без двух минут девять Бейтс стоял у окна. Вошла стенографистка с письмами и телеграммами.

— Оставьте все на столе, — сказал он раздраженно.

В полминуты десятого в окне напротив вырисовалась фигура девушки. Бейтс помахал ей. Она кивнула в ответ. Затем повернулась к нему спиной. Тем не менее, разбирая почту, он что-то мурлыкал себе под нос.

С тех пор она всегда отвечала на приветствие Бейтса и, более того, иногда в течение дня бросала на него быстрые взгляды. Она смотрела на него лишь какую-то долю секунды, но теперь, просыпаясь по утрам, он уже нетерпеливо ждал этого. Его заржавевшее воображение, скрипя, заработало, он начал придумывать про нее всякие истории. Он был убежден, что при всех обстоятельствах она должна быть совершенно непохожей на заурядных, добродушных женщин из его конторы. Она была окутана тайной. Бейтс наградил ее семьей: у нее сухощавый и изысканный отец с орлиным носом, классическим образованием и ошеломляющей способностью менять профессии, поскольку, по одной версии Бейтса, он был епископ, по другой — ректор колледжа, по третьей — разорившийся миллионер.

Бейтс назвал девушку Эмили, ведь в этом имени заключалось все то, что невозможно выразить с помощью пишущих машинок и картотек. С Эмили воображение связывало пахнущие лавандой ящики комода, старинную парчу, вечерние сады с кустами алых роз, окропленных росой, просторные залы, белые панели стен и книги у камина. И не кто иной, как Бейтс, всегда возвращал ее в эти просторные залы со старинной парчой и в объятия ее отца — профессора-епископа-миллионера. Но как раз из-за этих фантазий Бейтс боялся встретиться с ней лицом к лицу, он боялся услышать ее голос, — вдруг первые незабываемые слова этой дамы с алыми розами будут: «Эй, вы, послушайте! Вы не тот ли парень, который пялит на меня глаза? Надо же, какой нахал!»

Однажды, когда Бейтс — хладнокровный и преуспевающий — степенно выходил из подъезда, он вдруг увидел, что и она выходит из

подъезда напротив, и тут же нырнул обратно в вестибюль. Избежать встречи с ней было нетрудно. Два этих дома были подобны двум городам. В здании Бейтса работало две тысячи человек, в здании напротив — тысячи три, и в людских потоках, которые бурно изливались по вечерам на улицу, отдельные люди были так же неразличимы, как неразличимы солдаты в стремительно отступающей армии.

Только в конце октября он впервые разглядел выражение ее лица и впервые сквозь разделяющее их холодное, пустое пространство уловил ее улыбку. Дни становились короче, и электричество включали задолго до окончания работы, а при искусственном свете он видел ее яснее, чем при дневном.

С последней почтой Бейтс получил письмо из управления фирмы, в котором его уведомили, не скупясь на похвалы, что впредь он будет получать на тысячу долларов в год больше. Всем на свете известно, что, когда вице-президентам повышают оклад, они в отличие от мальчишек-рассыльных ведут себя вполне благопристойно. Но как бы то ни было, Бейтс сначала помчался к двери, чтобы проверить, не идет ли к нему кто-нибудь, а потом несколько раз прошелся фокстротом вокруг стола. Он бросился к окну. Ему пришлось проделать это путешествие четыре раза, прежде чем она взглянула на него. Он стал размахивать письмом, чтобы привлечь ее внимание. Она сидела к нему вполоборота, и ему был виден только ее профиль, позолоченный светом лампы. Он протянул к ней руку с письмом и стал водить пальцем по строчкам, как бы читая вслух. Окончив чтение, он захлопал в ладоши и издал ликующий возглас.

Ее изящно очерченное, спокойное лицо дрогнуло, губы приоткрылись, она улыбнулась, закивала, захлопала в ладоши...

— Она... она... она все понимает! — задохнулся от радости Бейтс.

Он заметил, что иногда она не уходит в кафе, а тут же, за своим столом, съедает принесенный в коробочке завтрак — какой-нибудь пирожок, который она жует, задумчиво поглядывая на улицу; что по пятницам — потому ли, что в эти дни много работы, или потому, что ее недельное жалованье подходит к концу, — она всегда остается в конторе и что завтракает она ровно в двенадцать. Как-то в начале зимы, в одну из пятниц, он попросил хозяйку приготовить ему сэндвичи и налить в термос кофе. Он знал, что его подчиненные с их

неугасающим интересом к любым чудачествам шефа будут недоумевать, почему он завтракает в конторе... «Ладно, это их не касается», — подумал он неуверенно и как бы между прочим сказал своей стенографистке:

— Дел по горло! Пожалуй, не пойду сегодня завтракать! — Он прошел мимо стола бухгалтера Крэкинза, который, как подозревал Бейтс, был присяжным остряком конторы и коллекционировал промахи шефа в качестве материала для восхитительных сплетен: — Что, Крэкинз, некогда вздохнуть? Мне тоже не легче. В общем, наверно, не придется идти завтракать. Перекушу здесь.

Как только пробило двенадцать, он убавил слишком яркий свет над стеклом письменного стола, подвинул к окну стул и разложил свои яства на широком подоконнике. Эмили ела пончик и запивала его молоком. Бейтс поклонился, однако он скромно сжевал полсандвича, прежде чем справился со своим смущением и осмелился предложить ей кусочек. Она не шелохнулась, пончик как бы в раздумье замер в воздухе. Потом она вскочила и бросилась прочь от окна.

— А, будь я проклят! Болван! Скотина! Не дал ей даже спокойно позавтракать! Пристаю к ней, отравляю единственные свободные минуты!

Эмили вернулась к окну. Она показала ему стаканчик. Налила в него до половины молока из собственного стакана и нерешительно предложила ему. Он вскочил и протянул руку. Сквозь гудящее от ветра пространство он принял ее дар и ее приветствие.

Он рассмеялся и представил себе, что и она рассмеялась в ответ, хотя вместо ее лица видел лишь золотистое пятно, расплывающееся в слабых лучах осеннего солнца. Они сели и продолжали завтракать вместе. В тот момент, когда он уговаривал ее выпить еще чашечку кофе, он услышал, как открывается дверь и кто-то входит в комнату. Он лихорадочно стал рассматривать воображаемые пятнышки на чашке. Он не осмеливался обернуться и посмотреть на непрошеного гостя. Подняв чашку, он провел пальцем по краю и пробормотал:

— Грязная!

Непрошенный гость подошел ближе. С невинным видом Бейтс взглянул на него. Это был зубоскал Крэкинз. И Крэкинз ухмылялся:

— Муха в супе, мистер Бейтс?

— В су... Ах, да! Муха в супе. Да, грязная... очень грязная чашка... Придется поговорить... поговорить с хозяйкой, — пробурчал Бейтс.

— Простите, я не помешал вам? Мне только хотелось узнать, будем ли мы продлевать кредит Фермерской Железнодорожной Компании. Они на три недели просрочили платежи...

Показалось ли это Бейтсу, или Крэкинз в самом деле покосился в окно на Эмили?

С порывистостью, которая была ему так же к лицу, как мандолина — ирландцу-подрядчику, Бейтс вскочил с места и увлек Крэкинза в приемную контору. Ему пришлось задержаться там минут десять. Когда он вернулся, Эмили стояла, прислонившись к оконному косяку, а он представил себе, что она мечтает у венецианского окна во дворце епископа — мечтает, глядя на солнечные часы и кусты мальвы.

Она знаками показала, что пикник окончен: перевернула вверх дном черную коробочку и разочарованно развела руками, как бы говоря: «Пусто!» Он предлагал ей кофе, сэндвичи, шоколад, но она все отвергала, застенчиво покачивая головой. Она указала на машинку, помахала рукой и села работать.

Близилось рождество, и Нью-Йорк был обуреваем таким дружелюбием, что люди, которые жили в одном доме всего семь лет, при встрече кивали друг другу. Бейтс гадал, неужели Эмили проведет рождество в одиночестве? Он хотел как-то поздравить ее, но ничего не мог придумать. Все же в канун рождества он притащил в контору огромный букет и с нетерпением стал ждать, чтобы Эмили взглянула на него. Только в половине пятого, когда включили электричество, он, наконец, добился успеха. Бейтс пристроил букет у самого окна и, прижав руку к сердцу, отвесил поклон.

Снег кружился в разделяющем их холодном пространстве, поток ледяного декабрьского воздуха омывал железобетонные и стальные утесы, но в эту минуту они были вместе, и улыбка преобразила ее лицо, словно сошедшее с обрамленной золотом миниатюры на желтоватой слоновой кости, лицо немного грустное и усталое, но озаренное нежной рождественской улыбкой.

4

Эмили исчезла, а ему так ее не доставало. Она не появлялась уже неделю, и однажды вечером к нему коварно подкралась тоска. Зима тянулась и тянулась и с каждым днем становилась все скучней и невыносимей. Снег, который был таким нарядным в декабре, к февралю превратился в грязное месиво. Не верилось, что когда-то было лето, что когда-то перекрестки улиц не утопали в слякоти, а на поворотах не сбивал с ног ветер. Бейтсу надоели театры, осточертели балы, и он всей душой ненавидел людей, которые на зиму съезжаются в город и вытесняют нью-йоркцев из их любимых местечек в маленьких кафе и ресторанчиках.

А тут еще Эмили исчезла. Он не знал, перешла ли она на другую работу или лежит больная, всеми заброшенная в какой-нибудь комнатенке с вытертым ковром и предается отчаянию. И он был тут бессилен. Он не знал ее имени.

Отчасти потому, что он страшился за ее судьбу, отчасти потому, что ему так не доставало ее, но в этот вечер, глядя на пустое окно напротив, он был особенно мрачно и нервно настроен. Внизу безумствовала улица — это была пляска сумасшедших на мокрых мостовых, залитых багряным светом уличных фонарей. Неистовые звонки трамваев, нетерпеливые грузовики, бешено несущиеся таксомоторы, изголодавшиеся по дому люди, которые, спотыкаясь, пробираются сквозь потоки транспорта или же стоят в самом водовороте, дрожа от холода, притоптывая мокрыми ногами и каждую минуту ожидая, что их раздавят. Неутомимая дрель била по нервам Бейтса — р-р-р-р, словно гигантская бормашина. Небо было яростным, по нему метались рваные облака в тускло-красных пятнах закатного зарева. И только свет в окне Эмили казался мирным, но Эмили там не было.

«Я так не могу. Я без нее измучился. Я не подозревал, что могу так тосковать. Да я и не жил раньше. Что-то со мной случилось. Я не понимаю! Не понимаю!» — говорил он себе.

На следующее утро она появилась в конторе. Бейтс глазам своим не поверил. Он все время подходил к окну, чтобы удостовериться, и каждый раз она махала ему рукой. Он сам удивлялся своей смиренной

признательности за это приветствие. Эмили изобразила кашель, потом, прижав ладонь ко лбу, объяснила, что у нее был жар. Он задал немой вопрос — склонился щекой на руку, что на общечеловеческом языке означает лежать в кровати. Она утвердительно кивнула — да, она болела.

Бейтс отошел от окна, уже понимая, что рано или поздно должен познакомиться с ней, даже если она окажется из тех, что говорят: «Послушай, миляга!» Не может же он идти на риск снова ее потерять. Только... зачем спешить. Он хотел окончательно убедиться, что не будет смешон. В той среде, где он вращался, первой заповедью считалось: никогда не быть смешным.

Он отскочил от окна в припадке нелепой ревности, потому что служащие в конторе напротив пожимали руку Эмили, поздравляя ее с выздоровлением. Он начал думать о них и о ее конторе. Он не имел ни малейшего представления о том, что это была за контора: торгуют ли там нефтяными акциями или почтовыми голубями или занимаются шантажом. Контора была слишком современна, чтобы оповещать о своей деятельности надписями на окнах. Правда, по стенам были развешаны какие-то чертежи, но они могли иметь отношение к архитектуре, к машинам... к чему угодно.

Бейтс начал внимательно присматриваться к сослуживцам Эмили, и у него появились весьма определенные симпатии и антипатии. Шеф Эмили был вполне приличный малый, но девчонка-регистраторша, которая, по наблюдениям Бейтса, вечно хихикала над чуть надменной манерой Эмили, — эта девчонка была настоящей трущобной кошкой, и Бейтсу захотелось, как это водится в трущобах, надавать ей оплеух.

Желание защитить Эмили превратило Бейтса в какого-то наивного мистика. Прощаясь с ней, он посылал самую сокровенную частицу своей души незримо охранять Эмили, бодрствовать над ней в ночи. Он наблюдал за ее сослуживцами не как какой-нибудь досужий сплетник: нет, он пытался пробудить в них теплое чувство к Эмили.

Но не слишком теплое!

Бейтс относился с неодобрением к новому молодому служащему, который поступил в контору спустя неделю или две после возвращения Эмили. Молодой человек расхаживал без пиджака, но рубашка на нем, по-видимому, была шелковая; он носил большие интеллигентские очки в черепаховой оправе и с независимым видом

курил отдававшую колледжем трубку. Он так вымуштровал свою черную, как вакса, шевелюру, что каждый уstraшенный волосок твердо знал свое место и покорно оставался там целый день. Это был самоуверенный, легкомысленный, современный молодой человек, видимо, занимавший пост по меньшей мере заместителя управляющего. Он непринужденно беседовал с шефом Эмили, поставив ногу на стул и пуская из трубки облака серого дыма.

Этому молодому человеку, очевидно, нравилась Эмили. Хотя у него в клетушке, крайней слева, была своя стенографистка, он постоянно околачивался возле стола Эмили, и она заметно оживлялась в его присутствии. Он болтал с ней перед уходом, и тогда она поворачивалась спиной к окну, а там, напротив, Бейтс, позорно забросив все свои дела, стоял и бормотал себе под нос, что щенков надо топить.

Эмили по-прежнему махала ему рукой на прощание, но Бейтсу казалось, что она делает это слишком небрежно.

«Ну да, я просто верный старый пес. На сцене появляется некий юнец... и меня приглашают на свадьбу. Держу пари, ни один человек в Нью-Йорке не был столько раз шафером, сколько я. Я знаю свадебный марш не хуже, чем органист церкви святого Фомы, и могу нюхом определить, куда закатилось оброненное в ризнице кольцо. Конечно, только для этого я им и нужен», — роптал Бейтс.

И он продиктовал сардоническое письмо, адресованное компании, которая делала чертежи стоп-сигналов, и с горькой иронией осведомился у мальчишки-рассыльного, не сможет ли он урвать несколько минут от посещения кинематографа и когда-нибудь в ближайшие месяцы налить в чернильницы чернил.

Однажды вечером Эмили и новый молодой человек вместе ушли из конторы, и с высоты двенадцати этажей Бейтс видел, как они выходят из подъезда и идут по улице. Спутник Эмили слегка наклонился к ней, а она кокетливо смотрела на него снизу вверх. Потом их поглотила толпа.

Одинокий человек наверху у окна вздохнул:

— Я всегда желал ей счастья. Но этот щенок... Вздор! Вероятно, он вполне порядочный малый. Господи помилуй, я становлюсь старым брюзгой, которому до всего есть дело! Я сам себе противен. Но... я

должен познакомиться с ней. Я не допущу, чтобы она досталась ему! Не допущу!

Легко сказать! Бейтс был скован многолетней привычкой поступать так, как поступают все приличные люди: он боялся показаться смешным и презирал чудаков, социалистов, поэтов и влюбленных, не скрывающих своей любви.

Неделю спустя, думая все о том же и ничего не замечая вокруг, Бейтс вошел в кафе и сел за белый смешной столик, на котором с одной стороны был нарисован ярко-красный кролик, очевидно, взбесившийся. Он рассеянно просматривал меню, предлагавшее сэндвичи с грецкими орехами, сэндвичи со сливочным сыром и рагу из цыплят.

Внезапно он понял, что смотрит вверх меню прямо на Эмили, которая сидит одна, за таким же красивым белым столиком, только в другом конце комнаты.

А вдруг она подумает, что он ее преследует, что он какой-нибудь наглый уличный прилипала? Чудовищно!

Бейтс съежился на стуле, стараясь стать незаметным, и вполголоса сказал нетерпеливой официантке:

— Будьте добры, рагу из цыплят и чашку кофе.

Его страх рассеялся, как только он убедился, что Эмили его не заметила. Она сидела спиной к нему, так что ему был виден только ее профиль. Она читала книгу, рассеянно отщипывая кусочки от белой, пухлой, добротной булочки — дежурного блюда всех кафе. Бейтс жадно ее разглядывал.

Она оказалась старше, чем можно было подумать, глядя из окна на ее быстрые движения. Ей было лет двадцать семь. Гладкая кожа ее бледных щек казалась шелковистой. Все в ней было изящно, во всем чувствовалась порода. Она была подлинная Эмили.

Прежде Бейтс не обращал внимания на женские туалеты, но сейчас он внимательно оценивал каждую мелочь: изысканную простоту синего платья с шифоновыми рукавами, коричневые узкие туфли, ничем не отделанную синюю шляпку, круто сдвинутую набок. Но почему-то больше всего его поразило перекинутое через спинку стула пальто — обыкновенное коричневое пальто, отделанное полосками искусственного меха; довольно дешевое пальто и не очень теплое. Оно висело подкладкой наружу — Бейтсу видны были крохотные

морщинки на плечах, такие же женственные, как слабый запах пудры; и он обнаружил, что в пройме подкладка заштопана. Охваченный состраданием к ее бедности и жаждой что-то для нее сделать, он сжал кулаки.

Эмили шевельнулась и стала рассеянно нащупывать пальцами счет, одновременно дочитывая последние строчки, прежде чем вернуться на работу. За это время Бейтс успел выловить только несколько сочных белых кусочков цыпленка, малодушно отложив напоследок мокрый, размякший гренок. Он был голоден. Но он не знал, как ему себя держать, если, проходя мимо, она заметит его.

Схватив пальто, шляпу и счет, он, не оглядываясь, бросился к выходу.

Бейтс пошел в хороший ресторан и как следует позавтракал. Он то сиял от восторга, потому что она в самом деле оказалась той восхитительной, нежной, изящной девушкой, какой представлялась ему в мечтах, то проклинал себя за то, что не подошел и не заговорил с ней. Остроумно. Дерзко. Разве не бывал он остроумен и дерзок с директорами Бингемптонской Компании Городского Транспорта?

И теперь он твердо знал, что не уступит Эмили легкомысленному молодому человеку в совиных очках.

В тот же день в 3 часа 37 минут Бейтс без всякой видимой причины вдруг сорвался с места, схватил шляпу и решительно направился к дверям. Он степенно вошел в лифт. Лифтерша — грузная добродушная ирландка в черной юбке — знала всех в лицо. Бейтс подумал, не сказать ли ей: «Я собираюсь перейти через дорогу и влюбиться».

Когда он впервые вошел в дом, который столько времени изучал снаружи, у него началось такое сердцебиение, словно он до одури накурился. В лифте он хрипло произнес:

— Двенадцатый.

Обычно погруженный в мысли о делах Бейтс проходил по зданиям, ничего не видя, но на этот раз, совсем как деревенский мальчишка, впервые попавший в странный мир, где вместо дорог туннели, он замечал все: широкий коридор двенадцатого этажа, мраморные ступеньки, пол, похожий на окаменелый фруктовый торт, лампочки из небьющегося стекла и алебастровые плафоны, струящие рассеянный

свет. По совершенно непонятной причине он отчаянно трусил перед некоей тоненькой девушкой.

Когда он отошел от лифта шагов на пятьдесят, ему вдруг пришло в голову, что он понятия не имеет, куда идти дальше.

Бейтс заблудился. Он не знал, с какой стороны расположена ее контора, а два лифта, находившиеся в противоположных концах здания, не могли служить ему ориентиром. Напустив на себя необычайно деловой вид, он бродил до тех пор, пока в конце коридора не наткнулся на окно. Он увидел башню «Нью-Йорк таймс», и ему сразу все стало ясно. Ее контора должна быть где-то справа. Но где?

Он только сейчас сообразил, что со стороны коридора не сможет определить, сколько в каждой конторе окон. Старательно отсчитав окна из своего кабинета, Бейтс пришел к выводу, что ее окно — шестое справа. Но оно могло принадлежать и Агентству по Застройке Цветущих Холмов и Горнорудной Корпорации Краса Аляски С. Смит. (Надпись не разъясняла, что такое С. Смит — Краса или Корпорация.)

Бейтс замер на месте. Из конторы Цветущих Холмов шумно выкатился рыжий волосатый толстяк и уставился на него. Бейтс с независимым видом отступил в конец коридора и стал сердито смотреть в окно. Вдруг его сразила еще одна страшная мысль. Допустим, что в конце концов он разыщет нужную контору и очутится в замкнутом пространстве приемной. Нельзя же сказать мальчишке-рассыльному: «Передайте, пожалуйста, молодой леди в синем платье, что ее ждет человек из здания напротив».

Это было бы смешно.

Ну и черт с ним, пусть он будет смешон! Бейтс помчался по коридору, вошел в дверь с надписью «Горнорудная Корпорация Краса Аляски» и очутился среди красного дерева и тисненого сафьяна конторы-будуара. Девушка с алой улыбкой, затянутая в черное платье, услужливо протянула:

— Да-а?

Кажется, это была та самая кокетливая особа, которая, по его наблюдениям, работала в конторе, смежной с конторой Эмили. Он ляпнул:

— М-могу я посмотреть ваши проспекты?

Прошло минут двадцать, прежде чем ему удалось ускользнуть от чрезвычайно приветливого молодого человека (сейчас он блистал

великолепием нового в клеточку костюма, но два дня назад Бейтс видел, как он чистит лацкан старого костюма жидкостью из какой-то склянки), который пытался продать Бейтсу акции двух золотых приисков и учредительные акции потрясающе богатого медного рудника. Наконец Бейтса отпустили, предварительно дав ему почувствовать, что он предает лучшего друга. Он ушел, унося с собой целую библиотечку рекламных брошюр с высокохудожественными фотографиями рудоносных жил, медеплавильен, речных барж и просто видов Аляски.

Бейтс аккуратно спустил их одну за другой в желоб пневматической почты и возвратился в свой излюбленный коридор.

На этот раз он вошел в кремово-синюю приемную Агентства по Застройке Цветущих Холмов. У него возникла сумасбродная идея выдать себя за строительного инспектора, под этим предлогом пройти по всей конторе и, таким образом, в конце концов оказаться у стола Эмили. План был романтичный и весьма рискованный, и Бейтс отказался от него, как только увидел циничного мальчишку-рассыльного в гольфах, рыжеволосого, с холодными глазами, которые видят вас насквозь.

— У вас тут, кажется, продаются загородные участки?

— Угу.

— Я хотел бы повидать управляющего конторой. (Ведь это Эмили проводит посетителей к управляющему.)

— По какому делу?

— Я собираюсь купить участок!

— А я-то думал, вы пришли за деньгами от той фирмы, что всучила нам полотенца.

— Неужели я похож на торгового агента, мой юный друг?

— Такие времена пошли, что и не угадаешь, — вы, ребята, нынче денег на одежду не жалеете. Ладно, хозяин, старик куда-то вышел, я пригону вам мистера Симмонса.

Оказалось, что мистер Симмонс — это заклятый враг Бейтса. Он был тем самым легкомысленным молодым человеком с лакированной прической и очками в черепаховой оправе, который осмелился поднять глаза на Эмили. Он вошел, заранее открыв шлюзы красноречия и возведя себя в сан врача и исповедника Бейтса. Он разливался

соловьем о прелестях Цветущих Холмов на берегу Хакенсака, где из водопроводных кранов льется шампанское, где все младенцы весят при рождении пятнадцать фунтов, где бетонные гаражи растут на деревьях, а цены на участки за ночь повышаются вдвое.

Бейтс бежал, унося с собой еще одну библиотечку роскошно изданных проспектов и гляцевитую открытку, изображающую ослепительно зеленую траву Цветущих Холмов и ослепительно красное бунгало Дж. Дж. Кина. Бейтс принес открытку в контору и отправил ее тому единственному однокласснику, которого терпеть не мог.

5

Четыре дня Бейтс игнорировал Эмили. Конечно, он по-прежнему махал ей рукой на прощание — не мог же он так грубо ее обидеть. Но он уже не наблюдал за ней весь долгий рабочий день. И он побывал у Кристин Пэриш. Бейтс говорил себе, что атмосфера праздности, царящая в доме Кристин, аромат белых роз, болтовня хозяйки о теннисных состязаниях и о Пайпинг-Рок, ее манера все время упоминать в разговоре каких-то мужчин, называя их Сурок, Пудель, Джорджи, что все это мило его сердцу и он чувствует себя как дома. Но когда сидевшая рядом с ним на тахте Кристин сквозь дым сигареты подарила его притворно-застенчивым взглядом, он словно услышал канонаду Свадебного Марша и метнулся к спасительному камину.

На следующий день, когда Эмили — ясная, как сталь, Эмили — помахала ему рукой и усталым движением выключила свет, Бейтс бросился сломя голову к лифту и оказался у выхода раньше, чем она появилась в подъезде напротив. Но его все еще сковывала многолетняя привычка соблюдать приличия. Он стоял и смотрел, как она идет по улице и сворачивает за угол.

Бухгалтер Крэкинз, который, насвистывая, выходил из здания, был потрясен, увидев, как Бейтс выскочил из подъезда и, нелепо размахивая руками, спотыкаясь с непривычки, стремглав помчался по улице, пробежал квартал и исчез за углом.

Бейтс нагнал Эмили в ту минуту, когда она вошла в метро и ее поглотил людской водоворот. Он протянул руку, чтобы дотронуться до ее плеча, потом, совсем как кошка, попавшая лапой в холодную воду, с дрожью отдернул руку.

Эмили спустилась на две ступеньки. Она его не видела.

— Эмили! — закричал он.

Несколько бегущих вниз пассажиров оглянулись на него. Эмили повернула голову и нерешительно посмотрела на Бейтса, затем снова отвернулась.

— Эмили!

Он ринулся вниз и очутился рядом с ней.

— Влюбленная парочка поссорилась, — не преминула заметить пожилая женщина, протискиваясь мимо них.

— Прошу прощения... — запротестовала Эмили.

Голос был чистый, тон — резкий. Таковы были первые слова его далекой принцессы.

— Нет, это я должен просить у вас прощения, но... я пытался привлечь ваше внимание. Я вел себя страшно глупо, понимаете, я не знаю, как вас зовут, и когда... когда я смотрел на вас из окна, я всегда... всегда называл вас Эмили.

В отчаянии он солгал:

— Мою мать звали Эмили.

— О, тогда у меня нет основания на вас сердиться, но...

— Вы ведь знаете, кто я, правда? Человек из дома напротив...

— Да, хотя я не сразу вас узнала. Человек из дома напротив такой уравновешенный!

— Я знаю. Не посыпайте рану солью. Я всегда надеялся, что, когда мы встретимся, мне удастся быть самоуверенным, остроумным и так далее, словом, поразить ваше воображение.

Стоя на шершавых, выложенных стальными плитками ступеньках, которые вели в подземные пещеры метро, получая со всех сторон толчки от налетающих на него с размаху людей, он, запинаясь, продолжал:

— Но все получилось как-то нескладно. Понимаете, я сегодня чувствую себя дьявольски одиноким. С вами так бывает?

— Всегда.

— Мы ведь стали такими добрыми друзьями, ну вот когда завтракали вместе и вообще.

Ее губы дрогнули, она сжалилась над ним:

— Вы правы. Вам тоже на метро? Мы можем проехать вместе хотя бы до Семьдесят второй улицы.

В те времена в метро еще не было поперечных соединительных линий, и десятки людей прекрасно ориентировались там и с уверенностью могли сказать, что доберутся до нужной станции.

— Нет, мне не на метро. Я хочу, чтобы вы со мной пообедали. Ну, пожалуйста! Если вы свободны. Я... я не какой-нибудь уличный волокита. Я еще никогда не заговаривал с незнакомыми девушками. Право же... Черт побери, я добропорядочный гражданин. До

противного добропорядочный. Моя фамилия — Бейтс. Я управляющий конторой. Живи мы не в Нью-Йорке, мы бы уже давно познакомились. Пожалуйста! Как только мы пообедаем, я сразу же провожу вас домой.

Молодые женщины из фешенебельных кварталов, чьи отцы ворочали делами на бирже или занимались оптовой торговлей шелком, юные хозяйки слишком многочисленной прислуги, владелицы гостиных, украшенных столиками маркетри и картинами в роскошных рамах, чувствовали себя польщенными, когда Бейтс приглашал их обедать. Но эта женщина, которая работала секретаршей, у которой между бровей залегла усталая морщинка, слушала и не делала ни шагу навстречу.

— Здесь невозможно разговаривать. Пожалуйста, пройдите со мной хоть один квартал, — молил он.

Она пошла, но продолжала внимательно наблюдать за ним. Как только они выбрались из сутолоки метро, болезненное смущение Бейтса улеглось, и, очутившись в квартале старых, отслуживших свой век домов из песчаника, забытых среди высоких зданий, он остановился и рассмеялся.

— Я разговаривал с вами, как идиот. Меня ошеломила эта толпа. И потом я всегда совсем иначе рисовал себе нашу первую встречу. Могли ли я изредка как благодетельный холостяк посещать ваш дом и, соблюдая приличия, приглашать вас обедать? Постарайтесь забыть, что я вел себя так нелепо!

Она ответила очень серьезно:

— Нет, вы не вели себя нелепо. Вы вели себя мило. Вы говорили со мной так, словно действительно хотели что-то выразить. С тех пор как я в Нью-Йорке, ко мне еще ни разу не обращались со словами, которые бы хоть что-нибудь выражали, разве что когда диктуют.

Он чуть было не сказал: «А что хочет выразить этот чурбан в дурацких очках?»

Но он не успел совершить этот промах, так как мысленно подпрыгнул от восторга, услышав от нее:

— И мне нравится ваш смех. Если хотите, я пойду сегодня с вами обедать.

— Не знаю, как вас благодарить. Куда бы вы хотели пойти? Может быть, отправимся сначала в кино, чтобы скоротать время до обеда?

— Вы не... я ведь не делаю ничего дурного? У меня, правда, такое чувство, словно мы давно знакомы. Вы не презираете меня за то, что я так покорно принимаю ваше приглашение?

— О! Презираю... Вы оказываете благодеяние одинокому человеку! Куда...

— Куда угодно, только чтобы это не очень напоминало кафе. Я хожу в кафе два раза в день. Мне становится не по себе всякий раз, как я вижу вареное яйцо, и я подсчитала, что, если связать узлом все японские салфеточки со столиков, за которыми я обедала, их хватило бы от Элхарда до Раджпуваны.

— Я вас понимаю. Жаль, что мы не можем пойти пообедать в какой-нибудь семейный дом, пусть не очень фешенебельный, но непременно старомодный, где к обеду подают брюквенное пюре и мама говорит: «Сперва нужно доесть овощи, детки. Маленьким девочкам, которые привередничают, не полагается сладкого пирога».

— О, к сожалению, таких домов не осталось. Какой вы милый!..

Она улыбнулась, глядя ему прямо в лицо. Ему захотелось прижать к себе ее локоть, но он не посмел, и они пошли в кино и пробыли там до семи часов. Во время сеанса они не разговаривали. Эмили отдыхала, сложив на коленях свои маленькие усталые руки. Бейтс решил, что они пообедают в отеле «Гранд-Ройял», на верхней галерее Флорентийского зала, где можно, наслаждаясь покоем и уединением, наблюдать веселую публику и слушать приглушенную музыку. Он заказал обед, состоящий из самых экзотических закусок, каких не подают в кафе. Вина он заказывать не стал.

Когда официант ушел, и они остались вдвоем, и уже их не отвлекала ни ходьба, ни кино, ни уличная толчея, воцарилось молчание. Бейтс старался что-нибудь из себя выдать, но не придумал ничего лучше бесспорной истины, что зимой холодно. Эмили поглядывала поверх перил на пышнотелую девицу в серебристо-розовом, которая обедала в обществе трех мужчин во фраках, проявлявших слоноподобную игривость. Эмили держалась гораздо непринужденнее, чем Бейтс. Ему никак не давался уверенный тон. Он изучал монограмму на вилке, и старательно чертил треугольники на скатерти, и теребил цепочку от часов, и ерзал на стуле, и старался возвести из вилки и двух ложек немислимые фортификации вокруг стакана с водой, и легонько почесывал ухо, и

завязал узлом цепочку от часов, и со страшным звоном уронил вилку на пол, и, наконец, выпалил:

— Э-э-э... Черт побери, давайте разговаривать. А то я нем, как сто рыб или жареная устрица.

Она положила локти на стол, вопросительно улыбнулась и сказала:

— Хорошо. Но сначала расскажите мне, кто вы такой. И чем занимается ваша контора? Я решила, что вы торгуете рождественскими открытками. У вас столько всяких картонных штучек по стенам.

Рассказывая о стоп-сигналах, Бейтс обрел красноречие. Выходило, что это приспособление может служить чем угодно — от путевода по городу до профилактического средства от инфлюэнцы. Все магнаты городского транспорта, не пожелавшие ввести стоп-сигналы, были...

— А теперь я буду продавать вам участок на Цветущих Холмах, — прервала его Эмили.

— Ох, простите. Я буквально помешался на своей конторе. Но это и вправду стоящее дело. В моем ведении весь Восточный район. Я окончил... Ну вот, теперь я познакомлю вас со своей биографией и попытаюсь пробудить в вас теплое чувство к моему прошлому. Я окончил технический колледж Шефилда при Йельском университете. Отец мой был инженером-химиком; одиннадцати лет от роду я написал свое единственное стихотворение, а мой дядюшка заключен в Синг-Синг за подлог. Итак, теперь вы знаете обо мне решительно все. А мне хотелось бы знать, действительно ли вы Эмили?

— То есть?

— Я... э-э-э... я выразился не совсем точно, говоря, что назвал вас Эмили в честь моей матушки, просто это имя вызывает в памяти старые сады и милую семью. Я решил, что ваш отец либо епископ, либо банкир в Хартфорде.

Она сосредоточилась было на закусках, потом ровным голосом сказала:

— Нет, мой отец служил управляющим на фабрике в Фолл-ривер. Он был никудышный человек: пил, играл в карты и умер. Мама была очень милая. Ничего романтического в моей жизни нет. Я проучилась три года в колледже, а теперь работаю, потому что нужно. Предел моих мечтаний — стать старшей стенографисткой в какой-нибудь крупной конторе. Я хорошо знаю свое дело, но у меня скверный

характер. Мне страшно одиноко в Нью-Йорке, но, наверно, это моя вина. Я нравлюсь одному человеку в нашей конторе, но он смеется над моим служебным честолюбием. Я несчастлива и не знаю, что меня ожидает, — может быть, в один прекрасный день я покончу с собой, и я терпеть не могу, когда меня жалеют. Ни с кем я еще не была так откровенна, и напрасно я разоткровенничалась с вами.

Она внезапно замолчала и стала смотреть вниз на публику. У Бейтса было такое ощущение, словно он грубой рукой коснулся ее души. С неуклюжей сердечностью он осмелился спросить:

— Вы живете одна?

— Да.

— А вы не могли бы поселиться вместе с какими-нибудь славными девушками?

— Пробовала. Но они меня раздражали. Они были такие же изверившиеся, как я.

— А нет у вас более жизнерадостной приятельницы, с которой вы могли бы куда-нибудь пойти, развлечься?

— Есть. Но у нее никогда нет времени: она занимается общественной деятельностью. Да и куда пойти? Изредка на концерты или просто прогуляться. Как-то мы рискнули отправиться в ресторан. Знаете, в одно из этих богемных местечек. Трое пьяных мужчин один за другим лезли к нам знакомиться. Нью-Йорк не очень деликатный город.

— Эмили, Эмили... скажите же в конце концов, как вас зовут?

— Имя такое же неромантичное, как я сама, Сара Парди.

— Послушайте, мисс Парди, я встречаюсь в этом городе с самыми разными людьми, прожил здесь немало лет... есть даже школьные друзья. Вы не позволите мне что-нибудь для вас сделать? Познакомить вас с людьми, которых я знаю, ввести в семейные дома и...

Она отложила вилку, осторожно опустила на стол руки ладонями вниз, внимательно посмотрела на них, сдвинула плотнее пальцы и проговорила:

— Кое-что вы могли бы для меня сделать.

— Да? — встрепенулся Бейтс.

— Найдите мне работу получше.

У Бейтса вырвался хриплый стон, как будто его совершенно неожиданно чем-то больно стукнули.

— Мне нравится работать в конторе Цветущих Холмов, но у меня там нет никаких перспектив. Мистер Рэнсон не допускает мысли, что женщина может быть не только секретаршей. Я хочу дослужиться до управляющей конторой какого-нибудь большого концерна или чего-нибудь в этом роде.

Бейтс взмолился:

— Но... конечно, я с удовольствием помогу вам, но разве вы... А что будет с вашей личной жизнью? Разве вы не хотите узнать поближе нью-йоркцев?

— Нет.

— Дома, куда можно заглянуть в воскресенье и поболтать за чашкой чая?

— Нет.

— Ваших сверстниц, и танцы, и...

— Нет. Я деловая женщина и ничего больше. Боюсь, ни на что другое я не способна. У меня не очень много сил. Приходится ложиться спать в десять часов. Спартанка. Все это совсем невесело, но иначе мне не выдержать.

— Хорошо. Я выполню вашу просьбу. Завтра в двенадцать я вам позвоню.

Бейтс старался говорить неприятно вежливым тоном, но, видимо, его голос звучал жалобно, потому что на ее лице промелькнула улыбка.

— Спасибо, — сказала она. — Мне бы только было с чего начать. Ведь я почти никого не знаю из здешних предпринимателей. Несколько лет я работала в бостонской конторе.

На этом — так удивительно похоже на лекцию о калькуляции цен и проверке отчетности — закончились его поиски высокой романтики.

Бейтс был ужасно уязвлен и, стараясь держаться с достоинством, пустился рассуждать об авторах, которых, как ему казалось, он читал, поскольку всегда собирался прочитать их на досуге. Но на душе у него было скверно. Он сказал себе, что все это время был круглым дураком, что Эмили — нет, мисс Сара Парди — просто покрытый эмалью механизм и что он больше не желает ее видеть.

Прошло целых шесть минут до того, как он спросил:

— Вам приятно было, что я каждый вечер желал вам доброй ночи?

— Да-а, — сказала она неуверенно.

— А вы тоже придумывали про меня всякие небылицы?

— Нет. Выслушайте меня. — Она говорила тихо, но веско. — Я поняла, что смогу как-то тянуть лямку в этой малопривлекательной жизни, только если у меня не будет ни сердца, ни воображения — одни лишь мысли о работе. В юности у меня была бурная фантазия, я зачитывалась Китсом и, конечно, Кипплингом и в каждом мужчине с хорошей осанкой видела Стрикленд-саиба. Многие стенографистки так всю жизнь и живут в мире вымысла. Замученные, несчастные, они мечтают о муже и детях, а шифры картотек только затуманивают им мозги. Ну, а я хочу добиться успеха. Поэтому я должна работать, и хорошо соображать, и быть пунктуальной, и знать факты. Никаким фантазиям я не позволяю отвлекать себя от работы. Я могу с абсолютной точностью сказать, сколько футов и дюймов в канализационной системе Цветущих Холмов. И я запрещаю себе умиляться при виде голубей, когда они прилетают и воркуют на моем подоконнике. Думаю, что ни при каких обстоятельствах я уже не способна быть чувствительной. Возможно, я сделала ошибку. Но я в этом не уверена. Мой отец был преисполнен самых высоких чувств, особенно когда приходил домой пьяный. Как бы там ни было, я такая, как есть. Не женщина, а деловая женщина.

— Жаль!

Он проводил ее домой. По ее просьбе они возвращались пешком, шагая по зимней слякоти. Они прошли мимо ребенка, который плакал, сидя на ступеньке третьеразрядной закуской.

Бейтс заметил, что какое-то мгновение Эмили смотрела на ребенка с материнским волнением, потом ускорила шаг.

«Я уже не сержусь на нее. Но если бы даже мне и захотелось снова с ней встретиться, я бы этого не сделал. В ней нет ничего человеческого», — размышлял Бейтс.

На Семьдесят четвертой улице, у дверей ее дома — чопорного дома, где сдают меблированные комнаты, — Бейтс, стараясь как-нибудь подостойнее с ней попрощаться, вдруг выпалил:

— Не очень-то увлекайтесь этим молодым человеком в очках. Пускай подождет, пока вы лучше узнаете нью-йоркцев. Ваш мистер Симмонс приятный малый, но пустой.

— Откуда вам известно, что я знаю мистера Симмонса? — изумилась она. — Откуда вам известно его имя?

Бейтс в первый раз застал ее врасплох; и это позволило ему укрыться за вполне достойным ответом:

— Я наблюдателен. Спокойной ночи. Будет у вас превосходное место, можете не беспокоиться.

Пройдя два дома, он украдкой оглянулся. Она, должно быть, вошла в подъезд, даже не посмотрев ему вслед.

Хотя Бейтс говорил себе: «Я рад, что этот вечер уже позади», — он бросился со всех ног в Йельский клуб. Там он допросил поочередно пятерых знакомых, не могут ли они порекомендовать куда-нибудь молодую женщину, которая, утверждал он (не имея на то никаких оснований), прекрасно печатает на машинке, быстро стенографирует, умеет по всем правилам подшивать копии документов и даже способна, в случае надобности, разыскать их потом и так очаровывает клиентов, что они готовы вручить деньги еще до появления агента по продаже.

По этому же поводу он звонил по телефону своему приятелю, живущему в пригороде. Ему пришлось некоторое время сидеть в душной телефонной будке и кричать: «Нет, нет, нет! Я вызываю Пелем, а не Чатам!» А когда он лег в кровать и уже было задремал, ему неожиданно пришла в голову такая волнующая мысль, что сон как рукой сняло. Он встал, закрыл окна, дрожа от холода, влез в халат, потом сел, неизящно задрал ноги на радиатор, и закурил сигарету. Почему бы не предоставить Эмили место в своей конторе?

Он нехотя отказался от этой мысли. Его контора недостаточно велика, чтобы дать ей возможность выдвинуться. И Эмили — мисс Парди — скорее всего не согласится. Он с горечью потушил сигарету о радиатор, открыл окна и снова забрался в кровать. Он пришел в ярость, обнаружив, что, пока он предавался размышлениям, кровать успела остыть. Под одеялом образовались ледяные, арктические зоны.

— Бр-р-р, — поежился Бейтс.

Наутро он помахал Эмили рукой, но не очень приветливо, и она ответила ему довольно небрежно. В семнадцать минут двенадцатого, позвонив предварительно раз пять по телефону, Бейтс нашел наконец для нее место. Он снял трубку и назвал ее номер.

— С вами говорит мистер Бейтс из здания напротив.

Он вскочил с места, подошел к окну, натянув до предела зеленый шнур, и увидел Эмили, которая разговаривала по телефону.

Бейтс улыбнулся, но продолжал говорить суровым тоном:

— Если вы обратитесь в Промышленно-Бытовой Синдикат — новое издательское объединение — и спросите мистера Хайдена, Хайде-на из отдела рекламы, он позаботится о том, чтобы вам предоставили место. Учреждение крупное. Очень перспективно. Со временем сможете возглавить целый штат машинисток, и, возможно, представится случай попробовать силы в отделе рекламы. Сошлитесь на меня. Э-э-э...

Она бросила взгляд на его окно, увидела его, вздрогнула. Бейтса захлестнула горячая волна нежности.

Но голос Эмили звучал безучастно, когда она ответила:

— Вы очень любезны.

Бейтс оборвал разговор решительным:

— Желаю удачи!

Он прошествовал к своему столу. Весь этот день он разговаривал со своими подчиненными чрезвычайно мягко и нерешительно.

— Верно, у старика умер какой-нибудь приятель, — сказал регистраторше бухгалтер Крэкинз. — На нем лица нет. Он малый с душой, наш Бейтси.

Через неделю Эмили исчезла из конторы напротив. Она не позвонила, чтобы попрощаться. Спустя месяц Бейтс случайно встретил Хайдена из Промышленно-Бытового Синдиката, и тот сообщил:

— Эта мисс Парди, которую вы мне прислали, — чистое золото. Внимательная, толковая. Я поручил ей вести переписку. Она далеко пойдет.

Вот и все. Бейтс остался один. Он больше не видел ее лица из своей двенадцатиэтажной башни, не получал больше вечернего прощального благословения.

6

Бейтс говорил себе, что она высокомерна, что она неинтересна, что она ему не нравится. Он вынужден был признать, что контора потеряла для него всю свою волнующую романтику, и он устал от всех контор на свете. Однако упорно считал, что Эмили тут ни при чем. Он сам придумал все ее очарование.

Как он ни внушал себе это — каждый раз, когда он смотрел в окно или сидел за письменным столом, стгорая от желания посмотреть в окно, его охватывало болезненное ощущение пустоты, похожее на тоску по дому. Когда ему случалось поздно засидеться в конторе, он часто поднимал голову со смутным чувством, что ему чего-то недостает. Дом напротив стал просто домом напротив. Никого он не видел в нем, кроме обыкновенных рабочих муравьев, погруженных в будничную конторскую работу. Даже мистер Симмонс в эстетских очках не вызывал в нем теперь воодушевляющего гнева. Зато преемницу Эмили Бейтс просто ненавидел. У нее была идиотская жеманная улыбка и прическа, как воронье гнездо.

Наступил март, улицы потемнели от пыли. Бейтс опять поплелся к Кристин Пэриш. Очутившись среди приветливых ваз с нарциссами, сафьяновых кресел и тисненых безделушек ручной работы, украшающих письменный стол в библиотеке Пэришей, он как-то стряхнул с себя апатию, готовую поглотить его, словно густой туман. Бейтс размышлял о том, что у Кристин он всегда найдет сочувствие, а Эмили — это всего лишь эгоистическое подобие мужчины. Но Кристин раздражала его. Она была уклончива. Она журчала:

— О, наверно, так интересно осматривать трамваи в этих забавных городках!

Забавные городки! Хм! Разве не благодаря им в Нью-Йорке жизнь бьет ключом? У Кристин вялый ум. Да и кожа ее мягких, атласных рук тоже скоро увянет, а его привлекает свежесть и душевная ясность.

Когда Бейтс брел домой, все тот же туман, колыхаясь, заслонял от него будущее. Что ждет его впереди? Одинокая холостяцкая жизнь?.. Болтаться по вечерам в клубе и упрашивать неоперившихся юнцов сыграть с ним партию в покер?

Все в конторе выводило Бейтса из себя, и он старался там не задерживаться. Его не покорило и он не вознегодовал, когда невольно подслушал, как Крэкинз доверительно сообщил секретарше: «У старика злокачественная брюзгливость. Мы будем настаивать на операции. Сколько вы можете на это пожертвовать, графиня? О! Мы чрезвычайно вам признательны».

Как-то в пасмурный, сырой апрельский день, когда все идиоты Нью-Йорка и окрестностей словно сговорились звонить ему по телефону, Бейтс был особенно раздражен. Он помянул недобрым словом Александра Грэхема Белла. Завод запрашивал, следует ли выполнить вне очереди заказ Бенгора. И это после того, как Бейтс раз шесть давал им разъяснения. Некий торговый агент звонил по междугородному телефону и требовал от Бейтса сведений о театральные кассах и портновских мастерских. Телефонистка коммутатора ошиблась номером, и жирный голос с немецким акцентом задиристо спросил: «Этта што? Бутылочный завод? Што — ви мне не нужен! Повесьте трубку!»

— А вы мне тем более не нужны, — огрызнулся Бейтс. Но от этого ему не стало легче.

— Тр-р-р! — заливался телефон.

Бейтс не обращал внимания.

— Тр-р-р! Р-р-р-р! Тр-р-р-р!

— Да? — рявкнул Бейтс.

— Мистер Бейтс?

— Да?

— Говорит Сара Парди.

— Кто?

— Ну... ну, Эмили! Боюсь, я не вовремя. Я не буду...

— Погодите! Погоди-и-те! Ради всех святых! Это, правда, вы? Как вы поживаете? Как вы поживаете? Страшно рад слышать ваш голос! Как вы поживаете? Мы так по вас соскучились.

— Мы?

— Ну я! Некому пожелать доброй ночи. Видел Хайдена, вы молодец. Страшно рад. Как э-э... как?..

— Мистер Бейтс, не пригласите ли вы меня пообедать? Все равно на этой неделе или на следующей...

— Сегодня! Согласны?

— А вы ни с кем не уславливались?

— Нет, нет. Собирался обедать один. Я очень вас прошу. Давайте встретимся... Вы не хотите пойти в «Бель Шик»?

— А мы не могли бы опять пойти в «Гранд-Ройял»? И, если можно, пораньше, в половине седьмого.

— Конечно. Я вас буду ждать в вестибюле. В половине седьмого. До свидания.

Бейтс тянул слова, словно не желая с ними расставаться. Но она оборвала разговор отрывистым телефонным «пока».

Немного погодя Бейтс позвонил приятелю, с которым четыре дня тому назад условился вместе пообедать. Лгал он неумело, и приятель дал ему это понять.

Целых полчаса Бейтс был охвачен блаженной, идиотской радостью, но потом в его душу вкралась глумливая мысль. Она угнездилась там и ехидно спрашивала Бейтса: «А может быть, мисс Парди просто угодно, чтобы я нашел ей другую работу?» Это несколько охладило его пыл. В вестибюле отеля «Гранд-Ройял» он поздоровался с мисс Парди скупым кивком... Она пришла ровно в половине седьмого. У Кристин Пэриш минимальное опоздание было двадцать минут.

Они стали спускаться по винтовой лестнице в Флорентийский зал.

— Где вы предпочитаете: внизу или на галерее?

Она повернулась к нему.

Она как будто совсем не изменилась. То же коричневое пальто, отделанное искусственным мехом, которое Бейтс знал лучше любого другого одеяния на свете, тот же взгляд стороннего наблюдателя. Стоя на ступеньках, нервно теребя воротник пальто, она опустила глаза, потом умоляюще посмотрела на Бейтса:

— Вы не сочтете меня очень глупой, если я попрошу, чтобы мы сели за наш прежний столик?.. Он... он приносит счастье.

— Конечно. Так и сделаем.

— Я потому и просила вас прийти пораньше, чтобы столик не оказался занятым. Мне нужен ваш совет в одном очень серьезном деле.

— Серьезном?

— О нет, ничего страшного. Но я как-то растерялась.

Бейтс шел за ней, терзаясь неизвестностью. Их столик был свободен. Он суетливо снял с нее пальто и отодвинул стул.

Когда он кончил заказывать обед, ее глаза снова стали ясными и проницательными, и она сказала:

— Пожалуйста, сделайте вид, что вы рассматриваете монограмму на вилке, хорошо?

— Зачем?

— Затем, что вы это делали в прошлый раз. Вы вели себя восхитительно нелепо. И были очень милы, когда старались не смутить незнакомую девушку.

Он покорно взял в руки вилку, но сразу же отбросил ее и властно спросил:

— Почему вы растерялись?

Ее рука на перилах балкона заметно дрожала. Она тихо ответила:

— Я вдруг обнаружила, что я женщина.

— Я не совсем...

— Я хотела удержаться и не говорить вам, но не могу. Мне... мне очень недостает наших вечерних прощаний и наших завтраков. Я хорошо зарекомендовала себя в Промышленном Синдикате, но мне это безразлично. Я думала, что совсем убила в себе всякую чувствительность. Я ошиблась. Я размазня! Нет! Это неправда! Мне все равно. Я рада.

Она залилась румянцем — будто розовая тень от бокала с вином упала на белую скатерть — и единым духом проговорила:

— Оказывается, мне наша наивная игра дороже успеха. Никто теперь не улыбается мне в окне напротив. Там вывеска какого-то гаража, и я смотрю на нее по вечерам, прежде чем уйти домой. О, я просто жалкая неудачница. Я не могу больше бороться, одна, всегда одна.

Он схватил ее за руки, словно не было вокруг ни официантов, ни публики. Но она высвободила руки:

— Не надо! Пожалуйста! Просто дайте мне выговориться. Я не знаю, радует это меня или огорчает, но у меня нет ни капельки здравого смысла. И мужества нет! Все, что мне нужно... пожалуйста, приглашайте меня раз в месяц обедать, на товарищеских началах...

— О дорогая!

— ...и иногда в театр! Тогда я не буду чувствовать себя одинокой. Я смогу работать, и добьюсь успеха, и, может быть, перестану... Только не думайте, что я сверхженщина Бернарда Шоу, которая

охотится за мужчинами. Просто... Вы первый человек в Нью-Йорке, проявивший ко мне доброту. Пожалуйста, простите...

— Эмили, не надо быть такой смиренной! Я предпочел бы, чтобы вы заставили меня молить вас, как тогда. — У него перехватило дыхание, и он замолчал. Потом спокойно произнес: — Эмили, будьте моей женой!

— Нет.

— Но вы сказали...

— Я знаю. Мне вас очень недостает. Но вы просто меня жалеете. Поверьте, я не из тех, кто ищет, на кого бы опереться. Я смогу выстоять и одна... почти одна. Вы очень деликатны и великодушны. Но я просила не об этом. Просто время от времени продолжайте нашу игру.

— Но, правда же, я этого хочу. Ужасно хочу! Все это время я каждую минуту думал о вас. Вы согласны выйти за меня замуж? Вот сейчас же?

— Нет.

— Когда-нибудь.

— Не знаю... Месяц назад я бы своими руками убила девушку, которая так малодушна, что молит мужчину о дружбе. Я не знала! Я ничего не знала! Но... Нет! Нет!

— Послушайте, Эмили, вы свободны? Вы разобрались в своих чувствах? Вам по-прежнему нравится мистер Симмонс?

— Он у меня бывает.

— Часто?

— Да.

— Вы ему отказали?

— Да. Тогда я и обнаружила, что я женщина. Но не... не его!

— Значит, моя! Моя! Подумайте, дорогая, невероятно, но город не убил в нас романтики. Мы все-таки нашли друг друга. Какой сегодня день? Среда? Слушайте. В четверг вы пойдете со мной в театр.

— Хорошо.

— В пятницу вы под каким-нибудь благовидным предлогом придете в контору Цветущих Холмов и помашете мне рукой из окна, и

моя контора снова станет раем. Потом мы встретимся с вами и пойдем ужинать к моим друзьям Пэришам.

— Хорошо.

— В субботу мы вместе позавтракаем и отправимся прямо в Ван Кортленд парк, и я превращусь в деспота и сделаю вам предложение, и вы его примете.

— Боюсь, что приму. Но остается воскресенье. Что мы будем делать в воскресенье?

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

[Другие книги серии «Рассказы»](#)